

Подойницына И. И. Влияние глобализации на социально-культурные процессы в Республике Саха (Якутия) и Социалистической Республике Вьетнам: сравнительный анализ / И. И. Подойницына // Научный диалог. – 2013. – № 11 (23) : История. Социология. Философия. – С. 126–141.

УДК 316.733:304.3(597)(571.56)“20”+316.752:39:303.621.028

Влияние глобализации на социально-культурные процессы в Республике Саха (Якутия) и Социалистической Республике Вьетнам: сравнительный анализ

И. И. Подойницына

Представлены результаты сравнительного полевого социального исследования, проведенного в Республике Саха (Якутия) и Социалистической Республике Вьетнам с использованием триангуляции методов: социологического опроса, фокус-группы, включенного этнографического наблюдения. Исследование имело целью выявить, в какой степени социально-культурная среда в двух восточных странах испытала влияние глобализационных процессов, каково взаимовлияние традиционной и современной культуры в социальных контекстах жизни якутских и вьетнамских городов. Анализу подвергались полученные при анкетировании ответы рядовых жителей, содержащие оценку современной ситуации высказывания экспертов, а также личные записки организаторов и исполнителей исследовательского проекта, в которых излагались их наблюдения. Путем анкетирования выяснено, что вьетнамцы проявляют себя в большей степени рефлексирующими традиционалистами, нежели жители Республики Саха. По заключению экспертов, во вьетнамском социуме имеет место иницированная самими гражданами активная пропаганда защиты и сохранения традиционной культуры, в то время как политики государства по сохранению традиционной культуры носит декларативный характер. Метод включенного наблюдения подтверждает,

что в настоящее время в Республике Саха и во Вьетнаме установились гибридные формы культуры, сочетающие традицию и глобализационные тенденции.

Ключевые слова: глобализация; традиционная культура; социологический опрос; включенное этнографическое наблюдение; Республика Саха; Якутия; Социалистическая Республика Вьетнам.

Понятие глобализации часто ассоциируется с понятиями «американизации», «вестернизации». Существует ментальный стереотип, что азиатские, восточные страны активно сопротивляются распространению глобализационных, постмодернистских ценностей, переживая за сохранность традиционных культур, которые могут быть полностью «размыты» мощными глобализационными потоками.

Российский исследователь А. Б. Гофман считает, что в постсоветской России проблема национальных традиций в контексте ее взаимосвязи с инновациями и различными формами модернизации стоит достаточно остро. Наблюдается соперничество за утверждение культурных образцов, которые имеют традиционное и инновационное измерение. В настоящее время появилась так называемая «рефлексивная традиционность, предполагающая постоянное осмысление и анализ роли традиций и традиционности, их взаимодействие с инновационными процессами» [Гофман, 2008, с. 110]. Соперничество между традиционными и инновационными, глобализационными формами культуры характерно для многих стран на современном этапе, особенно для тех из них, которые находятся в турбулентном состоянии перехода от закрытости и замкнутости в рамках своей культуры к построению открытого общества на основе восприятия и синтеза различных видов культур.

Так, А. С. Дыбовский, исследуя ценностные ориентации российской и японской молодежи, выявил, что как для России, так и для Японии – стран, которые когда-то жили за «железным занавесом», – характерен сегодня путь «догоняющей модернизации», когда интенсивная вестернизация и культуры, и экономики сменяется мощным возвратом к традиционализму [Дыбовский, 2010, с. 140].

В данной статье предлагается анализ результатов полевого социального исследования, проведенного в Республике Саха (Якутия)

(РС (Я)) и Социалистической Республике Вьетнам (СРВ). В обоснование актуальности проведения подобного исследования предлагается тезис: Россия и ее часть, Республика Саха (Якутия), и Вьетнам в начале XXI века уже значительно отличаются от модели интегрированной, объединенной единым образом жизни социалистической державы. Обе страны приняли курс на построение открытого рыночного общества, информатизацию и виртуализацию производственных процессов, поддержку развития бизнеса, чему должно соответствовать «внедрение» в ткань национальной культуры образцов вестернизации и американизации, то есть культурной глобализации.

Российское вьетнамоведение, занимающееся изучением материальной и духовной культуры Вьетнама, уделяет достаточно серьезное внимание анализу таких тем, как модернизация и динамика производительных сил Вьетнама, содержание и направленность рыночных процессов в этой стране, специфика этноконфессиональной ситуации. С этой целью можно обратиться к научным трудам И. Ю. Анищенко, Л. А. Аносовой, А. А. Бицадзе, С. А. Благова, Е. Л. Богатырева, Н. В. Григорьева, А. А. Соколова, Г. С. Яскина, В. В. Иванова, Д. Д. Мишуковой и многих других авторов.

Вместе с тем мы не так много знаем о том, что думают сами вьетнамцы о трансформациях, происходящих в их стране. Социологический анализ во всем разнообразии методик и с использованием опыта иностранных социологов пока не применялся по отношению к Вьетнаму. Именно этот факт послужил стимулом для организации научной командировки в СРВ и проведения пилотного социологического исследования в этой стране.

Итак, целью социального исследования в Республике Саха (Якутия) и Республике Вьетнам было изучение современных социально-культурологических тенденций развития данных стран, а также – взаимовлияния традиционной и глобализационной культур в социальных контекстах городских поселений в РС (Я) и СРВ. Тема исследования: **«Социально-культурные процессы в Республике Саха (Якутия) и Социалистической Республике Вьетнам: сравнительный анализ».**

В качестве объекта исследования в РС (Я) выступили жители 16 районов республики, в основном административных центров

улусов. Было опрошено 1982 человека, использовалась многоступенчатая квотная стратификационная выборка. Стоит подчеркнуть, что масштабное исследование в Якутии осуществлялось в рамках исследовательской стратегии «Форсайт Республики Саха (Якутии)» и вышеупомянутая тема исследования составляла одну из частей стратегического проекта.

В качестве объекта исследования в СРВ выступили жители трех крупных городов: Ханоя, Ньячанга (Ньячанга), Хошимина (Сайгона). Было опрошено 92 человека. Применялась квотная выборка по возрастно-половому признаку. Исследование носило пилотный характер. В процессе его осуществления применялось несколько методик – опрос, фокус-групповые интервью, этнографическое наблюдение, что и позволяет говорить о валидности и научной ценности полученных данных.

Гипотеза состояла в том, что поскольку и российский, и вьетнамский социум многоукладны в экономическом, структурном и культурологическом разрезах, то и россияне (представленные в нашем исследовании якутянами, в числе которых опрашивались эвенки, эвены, чукчи и т. п.), и вьетнамцы на ментальном уровне будут ощущать себя как приверженцами традиционной культуры, так и поклонниками глобализационных ценностей. Исследование в СРВ проводилось на английском языке. Временные рамки опроса: в СРВ – 18–30 августа 2011 года, в РС (Я) – 5–10 октября 2011 года. Анкетирование осуществила группа социологов Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия)) под руководством И. И. Подойницыной.

Итак, в обеих анкетах (русской и вьетнамской) ключевой вопрос звучал так: «Как много места в вашей жизни занимают традиции?». Ставилось задачей определить, какое место в жизнедеятельности современного жителя РС (Я) и СРВ занимают различные виды национальной культуры. Была составлена таблица, в которой по горизонтали перечислялись три варианта оценки значения национальной культуры в жизни конкретного индивида (большое; среднее; никакое), использовалась порядковая шкала. По горизонтали выделялось 11 эмпирических индикаторов тради-

ционной этнической культуры: национальные предания, легенды; национальные обычаи, обряды и др. Использовалась номинальная шкала.

В *якутскую выборку* оказались вовлеченными 45 % мужчин и 53 % женщин. По возрастам раскладка была такой: 28,3 % составили участники опроса от 18 до 29 лет; 34 % пришлось на респондентов в возрасте от 30 до 44 лет; 29 % – это ниша зрелых людей от 45 до 60; и всего 8,3 % составили те, кому за 60. По национальному составу опрошенные принадлежали к саха и к малочисленным народам Крайнего Севера (КМНС). Обратимся к трактовке результатов исследования. Только 28,7 % якутян отметили большое значение народных преданий и легенд в их повседневной жизни. Для 60,9 % отвечающих по всей выборке народные предания и легенды значимы в средней степени. Анкетлируемые обращаются к ним только время от времени, знают поверхностно.

Ситуация с народными обычаями, обрядами обстоит несколько лучше. Для 47 % респондентов обрядность имеет большое значение в жизни (соблюдаются обычаи, к примеру, во время проведения свадеб, похорон и др.) и для 47 % – среднее. В некоторых улусах количество тех, кто постоянно обращается к народным обычаям и обрядам, «зашкаливает» и отличается в сторону повышения от средних показателей по выборке (доходит до 77–80 %). У жителей г. Якутска, напротив, процент респондентов, высоко заинтересованных в следовании обычаям ниже, чем в целом по выборке, и составляет 39 %.

Национальные традиции жизни, поведения, или бытовые традиции, как их иногда называют, имеют скорее среднее значение в жизни современного жителя и городов, и сел Якутии. Сравним: 40,4 % респондентов выбрали позицию «занимают большое место в жизни», 53,1 % предпочли вариант «среднее место в жизни». И здесь опять-таки выделяются своим повышенным интересом жители отдаленных от центра республики северных и арктических районов, а также представители центральных моноякутских улусов, в то время как столичные обитатели, напротив, «отстают» от средних выборочных показателей на 5–6 п. п.

50,2 % респондентов ответили, что национальные праздники занимают большое место в их жизни, а 45 % написали «сред-

нее». Для 55,5 % народные песни и танцы имеют среднее значение, к ним явно обращаются от случая к случаю, а в повседневной жизни могут слушать и другую музыку, например, концерты популярных исполнителей по телевизору и др. Однако 31 % якутян поет национальные песни постоянно. Примерно такие же средние позиции для респондента имеет национальная одежда (52 %), 28,3 % отметили большое влияние национальных костюмов на их стиль в одежде. В Якутии нет организаций, в которых принято ходить в национальной одежде. Средние позиции популярности занимают народная медицина (52,5 %), национальный характер (51,4 %), народные игры (51,7 %).

Весьма популярны у якутян национальная кухня (в жизни 50,0 % респондентов она занимает большое место, в жизни 43,9 % – среднее) и традиционные виды хозяйствования (45,7 % против 39,9 % соответственно). Итак, выделим те формы национальной культуры, по которым позиция «большое место» явно перевешивает позицию «среднее место в жизни». Это национальные праздники, национальная кухня и традиционные виды хозяйствования.

Сравним с *ответами вьетнамских респондентов*. Во вьетнамском опросе приняли участие 40 % мужчин и 60 % женщин. 2/3 опрошенных составили молодые люди от 18 до 35 лет. 8 % – зрелые и пожилые. По этнической принадлежности все опрошенные были вьетами.

Главный вопрос культурологического блока анкетирования касался значимости конкретных национальных характеристик, форм жизнедеятельности в жизни современного вьетнамца. Нашей задачей здесь так же, как и в Якутии, было найти самую сохранившуюся, ныне востребованную традицию, которая выдерживает конкуренцию с глобализацией.

Итак, большое, значимое место в жизни вьетнамцев занимают следующие традиции: национальная еда или национальная кухня (77 % выборов); национальные праздники (65 % выборов); национальные бытовые традиции (62 % выборов); национальные обряды (59 %); национальный характер (54 %). Небольшое место в жизни современного вьетнамца занимают

национальные легенды, мифы, сказания (52 %); национальная медицина (52 %); национальные игры и спорт (58 %); национальные песни и танцы (59 %). По поводу национальной одежды голоса распределились поровну: для 47 % ответивших она имеет большое значение, а для 46 % – среднее и ниже среднего. Мы также можем проследить разделение вьетнамского социума в отношении оценки значимости национальных видов профессиональных занятий: респонденты признают влияние и традиционных, и современных видов труда на экономику Вьетнама.

Таким образом, мы выявили самую конкурентоспособную национальную особенность уклада жизни во Вьетнаме – это приготовление национальной еды. Можем засвидетельствовать: повсюду, прямо на обочине автодорог, на стыке тротуара и проезжей части, вьетнамцы, сидя на маленьких стульчиках, едят национальный суп «фо бо». Это не обрядовая трапеза, а выработанный обычай-порядок, ставший повседневным. Для многих вьетнамцев этот ритуал наполнен особым смыслом приобщенности к своей культуре. Иностранцы приходят в восторг от такого экстремального способа поедания пищи и пытаются присесть рядом. Один из наших респондентов так и написал: «Vietnam is eat outside at the street» («Вьетнам – это еда на обочине тротуара»).

В целом же сравнение ответов в российской и вьетнамской выборках показало, что вьетнамцы проявляют себя в большей степени рефлексорирующими традиционалистами, нежели якутяне. Во-первых, в целом вьетнамцы выставляют более высокие оценки своей приверженности традиционным формам повседневного поведения, чем якутяне. И, во-вторых, так отвечают жители больших вьетнамских городов, в значительной степени подверженных влиянию западной культуры, нежели малые и средние города в Якутии, на Крайнем Севере; следовательно, вьетнамская культура более пластична: с одной стороны, она открыта, восприимчива к инновациям, с другой же – всегда стремится сохранить свое ядро.

Удивительное единодушие наблюдаем в ответе якутских респондентов на вопрос об обязательности (или – необязательности) знания национальной культуры. 87,5 % выбрали суждение «каждый человек обязательно должен знать свою нацио-

нальную культуру». Показатели, характеризующие распределение ответов по улусам, различаются незначительно. 27,7 % респондентов указали, что очень интересуются национальной культурой, 57,8 % дали ответ «в некоторой степени». Обратим внимание, что поверхностно, эпизодически интересуются национальной культурой около 2/3 опрошенных якутян, и примерно такое же количество респондентов выбрали средние позиции в ответе на вопрос о том, какое место традиции, обряды, легенды и другие формы культурного многообразия занимают в их жизни. По поводу нужности национальных традиций были получены следующие ответы: таковые нужны «для сохранения народа в целом» (42,3 %) и для того, чтобы «молодежь уважала знания и мудрость предков» (37,4 %).

На наш взгляд, якутяне пока еще не до конца осмыслили, как культурная глобализация может повлиять на современные стили жизни в республике. Вполне возможно, что респонденты недооценивают тот факт, что глобализация может «подавить», поглотить национальную культуру, особенно архаичные ее формы – и это весьма реальная опасность. С другой же стороны, могла сработать и другая ментальная установка: культурная глобализация и традиционная культура могут дополнить друг друга и «ужиться» в якутском социуме, поэтому глобализации не стоит «бояться». Только 4,9 % написали, что национальная культура необходима в современном индустриальном обществе, потому что это один из способов противостояния культурной глобализации. Кластерный анализ, проведенный нами в рамках проекта «Форсайт Республики Саха (Якутия)», продемонстрировал, что 80 % якутян придерживаются образа жизни, характерного для индустриального общества, постоянно совмещая в своих повседневных практиках инновации и традиционность. При этом выделяются такие типы субъектов с собственными субстилями поведения, как «рефлексирующие традиционалисты», «посредственные традиционалисты», «индустриалы» и др. [Подойницына, 2012, с. 218–219].

Проанализируем ответы на вопросы из культурологического блока вьетнамской анкеты. Был задан достаточно сложный вопрос: «Как вы считаете, процессы глобализации и консервации, сохранения национальных традиций протекают независимо друг от друга во Вьетнаме или подавляют один другой?». Мнения разделились.

36 % женщин написали: да, эти процессы – глобализация и воспроизводство национальной культуры – протекают во вьетнамском обществе независимо и автономно. 24 % женщин, что достаточно много, заявили, что названные процессы подавляют друг друга. 40 % респондентов либо «промолчали» за неимением четкого суждения, либо высказались нестандартно. К примеру: «Это скорее область политики, а не культурных интересов, поэтому не нам судить...». Или: «Иногда эти процессы независимы. Есть французские бульвары, а есть азиатские узкие улочки, они друг друга дополняют. Но иногда глобализация мощно подавляет: американская музыка, американское кино – они сильнее вьетнамских образцов и др.».

29 % мужчин уверены, что глобализация и развитие национальных традиций имеют собственные, независимые траектории развития в функционировании вьетнамского социума. 25 % мужчин говорят, что эти макропроцессы подавляют друг друга. И 46 % высказывают иные суждения, к примеру, такие: «Национальные традиции давно в бэкграунде (на заднем плане)»; «В таких городах, как Ньячанг, глобализация и сохранение национальных традиций удачно дополняют друг друга, но это делается демонстративно, для иностранцев» и др.

Таким образом, эмпирическим путем нам удалось еще раз подтвердить выводы некоторых российских специалистов, изучающих Вьетнам, о том, что традиционное и глобализационное причудливым образом переплетается в жизни современных вьетнамцев. Так, Д. Д. Мишукова пишет, что в основе вьетнамской традиционной культуры лежит культ предков, в каждом доме есть алтарь для поминовения усопших [Мишукова, 2010, с. 154]. В то же время духам обычно дарят бумажные мотоциклы (а это символ урбанистического Ханоя), сотовые телефоны и пачки долларов [Мишукова, 2010, с. 152]. Это значит, что вьетнамец XXI века мыслит вполне модернистски, хотя и соблюдает традиции.

О том, что эта тема – сочетание, а возможно, и взаимопроникновение традиционного и современного – весьма волнует вьетнамцев, мы узнали и из местных газет. В национальной англоязычной газете “Vietnam News” прочли замечательную статью. Начинается она так: «Неужели Ханой потерял свою душу?». Автор статьи отмечает, что эта идея стала общим местом многих дискурсов, и небезоснователь-

но. «Достаточно взглянуть на трафик Ханоя!» – восклицает журналист и тем самым сразу обозначает «главного разрушителя» традиционной души столицы Вьетнама. Автор описывает, как молодые люди, оседлав «железного коня», то есть мотоциклы, разъезжают по старым кварталам Ханоя [Минь Тяу, 2011].

Автор статьи Минь Тяу ссылается на мнение многих горожан, которые почти единогласно заявляют, что 30 и даже 10 лет назад Ханой был другим – более спокойным городом, а ханойцы были скромными и вежливыми. Но сейчас людьми движет гедонизм, стремление наслаждаться минутой, не думая о будущем. Конечно, не только мотоциклы автор винит в проблемах ханойцев. Он пишет о том, что молодежь стала использовать вульгарный сленг – это распространенный стиль коммуникации в Ханое. А ведь ханойцы всегда считались носителями нормативного вьетнамского языка, так называемого, «ханойского говора», который насчитывал 6 тонов [Мишукова, 2007, с. 78]. Но, как видим, сегодня язык в СРВ меняется не в лучшую сторону, в том числе и под воздействием глобализационных каналов передачи информации – Интернета, кабельного телевидения, голливудского кино и др.

Заключает культурологический блок российской и вьетнамской анкеты вопрос: «На каком уровне Вы связаны с информационным обществом?». Было предложено шесть индикаторов включенности в информационное пространство. Якутяне и вьетнамцы оказались в этом плане солидарными, особенно по поводу использования Интернета на производстве: и те, и другие готовы как можно скорее войти в информационное поле и пользоваться всеми его преимуществами. Так, пользуются Интернетом в домашних условиях 47 % якутян и 67 % вьетнамцев; используют Интернет на работе и в процессе учебы 43 % якутян и 49 % вьетнамцев; являются уверенными пользователями компьютера 69 % якутян и 32 % вьетнамцев. Как мы и предполагали, меньше всего респондентов выбрали самую ответственную позицию «я могу сделать веб-сайт» – всего 6 % якутян и 15 % вьетнамцев.

«Вьетнам ожидает интеграция в мировую экономику и культуру и высочайшее влияние на людей во всем мире, – написала 27-летняя вьетнамка, выпускница Ханойского коммерческого и туристического

колледжа, ныне менеджер отельного бизнеса. – Мы будем развивать туризм, образование, информационные услуги и коммерческий сервис». И подобных пафосных заявлений было немало, в основном они исходили от молодежи. В целом 2/3 опрошенных придерживаются оптимистического взгляда на будущее своей страны, причем настроение варьирует от сдержанного оптимизма до эйфории.

И в этой эйфории и оптимизме вьетнамцев нет ничего удивительного, ведь по данным исследования «Международный индекс счастья» (Happy Planet Index – HPI), которое ежегодно проводится британским исследовательским институтом New Economic Foundation (NEF) более чем в 100 странах мира, Вьетнам устойчиво занимает первые позиции в рейтинге самых счастливых стран мира. К примеру, в 2012 году вьетнамцы оказались на 2-м месте, Россия – на 122-м [Международный индекс..., 2012]. В основе интегрированного индекса лежит субъективный показатель удовлетворенностью жизнью в стране. Результаты исследования по выявлению HPI, претендующего стать альтернативой показателю ВВП, демонстрируют, что «благосостояние людей не зависит от темпов экономического роста и объемов экономики» [Там же].

И все же каков он, Вьетнам? Обратимся к мнению экспертов. Группа социологов из Северо-Восточного федерального университета посетила с дружественным визитом в г. Ханое Университет социальных и гуманитарных наук (USSH), который имеет статус Национального университета. В университете нами была организована работа экспертной фокус-группы, в которой участвовали проректор университета, профессор Ву Дык Нгиеу, директор Центра современных исследований религии, руководитель департамента антропологии, профессор Лам Ба Нам, заместитель декана факультета социологии Нгуен Тхи Тху Ха, приглашенный профессор из Университета Монтаны, историк Хоанг Ань Туан, заместитель директора департамента межнациональных отношений и программ USSH Чан Диеп Тхань.

Фокус-групповое обсуждение темы «Взаимосвязь традиционного и глобализационного в современной вьетнамской культуре» длилось два часа, было насыщенным и интересным. Приводим здесь только итоговые тезисы обсуждений. Эксперты заявили, что во вьетнамском

социуме идет активная пропаганда защиты и сохранения традиционной культуры, причем по инициативе снизу – она исходит от отдельных граждан, инициативных групп, журналистов и др. Что касается политики государства по сохранению традиционной культуры, то, увы, она носит декларативный характер. Вряд ли стоит всерьез беспокоиться о том, что традиционная культура Вьетнама «исчезнет», размоется ассимиляционными потоками, потому что, по мнению экспертов, вьетнамская культура имеет сильную морально-этическую базу (речь идет о конфуцианстве и буддизме), а это главное.

Глобализация, несомненно, вступает в свои права на территории Вьетнама. Она выражается не только в создании совместных иностранных компаний по сборке, скажем, автомашин, что скорее всего позитивно и для национальной экономики, и для социально-психологического настроения масс, но во многих культурных аспектах: в появлении новой модернистской живописи и англоязычной музыки, городского бытового модерна.

В г. Хошимин (Сайгон) прямо перед нашим отъездом из Республики Вьетнам состоялась вторая экспертная фокус-группа. Обсуждение проходило в стенах Университета социальных и общественных наук, который также имеет статус Национального университета. В работе фокус-группы приняли участие президент Лингвистического совета факультета культурологии, профессор Чан Нгок Тхем, директор Центра иностранных языков, руководитель Департамента международного сотрудничества Банг Ань Туан, специалист департамента международного сотрудничества, работник Биржи ценных бумаг Данг Ким Тхуи. Тема фокус-группового обсуждения была такой же, как и в Ханое, – «Взаимосвязь традиционного и глобализационного в современной вьетнамской культуре». Работа фокус-группы также длилась приблизительно два часа, и ее участники пришли к определенным заключениям.

Вопрос сохранения традиционной культуры этноса зависит от типа культуры, как сказали нам эксперты. Существует гибкий, пластичный тип национальной культуры, который способен воспринять инородные элементы и адаптировать их, обратив себе на пользу. Такова вьетнамская культура. Так же, как и эксперты из Ханоя, сайгонские специалисты единогласно отметили, что роль государства

в сохранении традиционной культуры не столь значительна, как хотелось бы.

Глобализация во Вьетнаме выражается в том, что молодежь стала информационно компетентной, «Интернет проник во все поры социума», как заметили эксперты. Глобализация наступает на Вьетнам, но неравномерно. Юг страны, в частности Сайгон, в большей степени подвержен глобализации, чем Север. Идет активная капитализация вьетнамского Юга, а Север страны остается в зоне социализма. Но есть еще немалые просторы провинциального Вьетнама, который как бы «завис» между Севером и Югом, между традиционализмом и индустриализмом. Богатые и состоятельные люди составляют примерно 4–5 % населения Вьетнама, средний класс занимает прослойку в 25 %, но бедных еще очень, очень много – около 70 %.

Третий метод, с помощью которого мы изучали Вьетнам, – это включенное наблюдение. Каждый день мы вели подробные дневниковые записи. В качестве категорий анализа выступали традиционные и глобализационные, модернистские элементы культуры Вьетнама, те, что подлежат визуальному наблюдению, и те, что органично вписаны, встроены в структуру городской жизни. Единицами анализа были материальные (но не музейные, а бытовые, каждодневные) и нематериальные (поведенческие) фрагменты городской жизни.

Итак, мы жили в Ханое на улице Барабанов, в той его части, которая существует почти тысячу лет и в которой до сих пор сохранились улицы жестянщиков, шляпочников, изготовителей курительных трубок, портных по коже и др. И что потрясающе, сохранились и древнейшие ремесла. Такие «кусочки» вьетнамских деревень и сейчас живут своей трудовой жизнью в центре огромного Ханоя.

Продавцы с бамбуковыми коромыслами через плечо и в соломенных шляпах «нон» шли по улицам. По тротуарам спешили женщины в длинных платьях «ао зай» – это скорее всего были служащие банков, учителя, продавцы, работники отелей. Ханой – это узкие запутанные улочки с огромным количеством бедных домов странной застройки, как будто недостроенные. Несколько раз мы были на лаковой фабрике, где по особой технологии, пришедшей из глубины

веков и сохранный до сегодняшнего дня, семнадцать раз в течение двух месяцев покрывали лаком бамбуковые шкапулки. Все это был традиционный Вьетнам.

Но в то же время в этом шумном человеческом муравейнике по проезжей части проносилось огромное количество мотоциклов, что создавало впечатление динамичного, технологически развитого города. Переход через дорогу был похож на акробатический трюк. Было множество маленьких картинных галерей-магазинов, в которых можно было найти настоящие образцы модернистской живописи в стиле Густава Климта, которого часто воспроизводят во Вьетнаме. Например, я увидела полотно популярнейшей художницы Вьетнама, профессора Ханойского университета Фам Тхань Ван. В уличных кафе, где звучала англоязычная музыка, большими группами сидела стильно одетая вьетнамская молодежь. «Такой молодежи много в Ханое», – сказал нам один из наших респондентов. Удивительный парень, временно работает в кафе бариста, а вообще он художник, живет то во Вьетнаме, то в Австрии, считает, что традиции Вьетнама в глубоком андеграунде, и при этом верит в особый путь Вьетнама. Он сказал нам также, что маргинальность – состояние души для многих молодых людей в крупных городах его родной страны. Это – современный Вьетнам.

В Сайгоне и Ньячанге элементы традиционности встречались в меньшей степени. Для Сайгона, как говорят сами его жители, центр старой, традиционной культуры – это рынок Бен Тхань. Конечно, встречаются женщины в конусовидных шляпах или в национальных платьях, но значительно реже, чем в Ханое. В Ньячанге «старый» Вьетнам – это рыбацкая деревушка, в ней день ото дня воспроизводятся те самые традиции, о которых мы писали выше. Но все же Ньячанг живет за счет индустрии туризма, отелей на берегу моря, ресторанов с кухней разных стран мира.

Что касается Сайгона, то, по мнению многих исследователей, да и простых вьетнамцев, это один из самых европеизированных городов Вьетнама, а сейчас и самых капитализирующихся. Это видели и мы сами, гуляя по бульварам Сайгона: великолепные офисы, здания банков, бирж. Мы жили на улице Nguyen Hue – той самой, на которой в романе Грэма Грина взорвалась бомба, и чувствува-

ли, что попали в «столицу мира»: небоскребы не хуже, чем в Осака и Шанхае.

Итак, сравнительный анализ, предпринятый в процессе полевого социального исследования по теме «Социально-культурные процессы в Республике Саха (Якутия) и Социалистической Республике Вьетнам», показал, что якутяне и вьетнамцы, с одной стороны, являются приверженцами традиционной (национальной) культуры и пытаются следовать обычаям предков в повседневной жизни, с другой же стороны, и якутяне, и вьетнамцы готовы принять образцы культурной глобализации. Гипотеза была доказана.

Во время научной командировки Вьетнам предстал перед нами как двуликий Янус: и патриархально азиатским, и европеизированным одновременно. Мы зафиксировали противоречивость суждений рядовых вьетнамцев по поводу традиционной и современной сторон вьетнамской культуры, противоречивость прослеживалась и в высказываниях экспертов. Но и родная для нас Якутия также переживает транзитивный период: в ней также соседствуют патриархальность, архаичность, особенно в отдаленных от центра республики улусах, и инновационность, современность.

Мы поняли также, что Вьетнам добивается успехов благодаря глубинной укорененности норм конфуцианской морали в этой культуре. Нами была подмечена и такая особенность этнопсихологического устройства вьетнамцев, как умение радоваться жизни, быть оптимистичными. Вьетнамская молодежь искренне влюблена в свою страну, «градус патриотизма» во вьетнамском обществе достаточно высок. Мы решили, что нам есть чему поучиться у восточных соседей: оптимизму, любви к своей стране и гибкому умению сочетать традиции и инновации.

Литература

1. *Гофман А. Б.* Традиции и инновации в постсоветской России : культурные особенности, взаимодействия, динамика / А. Б. Гофман // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2008. – № 4. – С. 104–111.
2. *Дыбовский А. С.* О некоторых сходствах и различиях ценностных ориентаций российской и японской молодежи (по результатам социологического опроса среди студентов Владивостока и Осака в 2008 г.) / А. С. Дыбовский // Россия и АТР. – 2010. – № 4. – С. 131–140.

3. *Международный индекс счастья* : 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://klub-mir.ucoz.net/publ/2012_mezhdunarodnyj_indeks_schastja/1-1-0-102.

4. *Мишукова Д. Д.* Духи, гороскопы и предсказания в жизни современных вьетнамцев / Д. Д. Мишукова // Россия и АТР. – 2010. – № 1. – С. 150–159.

5. *Мишукова Д. Д.* Язык, культура и особенности этнопсихологии вьетнамцев / Д. Д. Мишукова // Россия и АТР. – 2007. – № 1. – С. 76–81.

6. *Подойницына И. И.* Новый профиль социальной стратификации общества России / И. И. Подойницына. – Гамбург : Palmarium academic publishing, 2012. – 245 с.

7. *Minh Chau.* Manners make the man, but not in Ha Noi / Minh Chau // Sunday Viet Nam News. – 2011. – August, 21.

© **Подойницына Ирина Ивановна (2013)**, доктор социологических наук, профессор кафедры экономики и управления производством, Финансово-экономический институт, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск), irena_ivan@mail.ru.